

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XII

№ 33

Январь - Март 1957 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Конгресс за права и свободу в России	3
Резолюция Конгресса за права и свободу в России	5
Н. ТАРАСОВА — Культурная и духовная жизнь современной России	10

РУССКАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ В СССР

ЕВГ. ЕВТУШЕНКО — Станция Зима, поэма	42
Ю. НАГИВИН — Свет в окне, рассказ	67

РУССКАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ ЗАРУБЕЖЬЯ

А. НЕЙММИРОК — Стихи	74
БОРИС ЗАЙЦЕВ — Дни	77
ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ — Стихи	83
НИНА ФЕДОРОВА — Дети, роман. (Продолжение)	87
Ю. М. — Лагерные стихи	139

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

БОРИС ТИХ — О романе Дудинцева «Не хлебом единым»	142
ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР — В пути находящиеся	152
НИК. АНДРЕЕВ — Литература в изгнании	164

ИСКУССТВО

Н. А. ГОРЧАКОВ — «Марксистская теория театра»	177
Н. ЕВРЕЙНОВ — Любовь актера	187

ПУБЛИЦИСТИКА

К. ФЕДОРОВ — Третье звено диалектической триады	192
С. GERMAHOV — «Ставка на сильных»	204

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И ЖУРНАЛАХ

А. Мазурова, Старики и море. — Петр Ершов, «Бунт» драматурга. — Проф. Н. Лосский, Ермилов и Достоевский. — А. Кашин, О Набокове. — Николай Арсеньев, «Правда о Столыпине». — Л. Зальцберг, Два капитальных труда.	215
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Документы за первый квартал 1957 г.	229
Обращение российского антикоммунистического изд-ва «Посев» к деятелям литературы, искусства и науки поработенной России	233

Ермилов и Достоевский

В своей книге Ермилов задается целью показать раздвоенность и противоречивость творчества Достоевского. Он говорит, что «Достоевский выразил своим творчеством безмерность страданий униженного и оскорбленного человечества в эксплуататорском обществе и безмерную боль за эти страдания. И, вместе с тем, он яростно сражался против каких бы то ни было поисков реальных путей борьбы за освобождение человечества от унижения и оскорбления» (стр. 5). Поэтому «герой Достоевского знает только две возможности: быть человеком, **которому всё позволено**, или быть человеком, **с которым всё позволено**» (стр. 77).

Ермилов одобряет и считает вполне

В. Ермилов. **Ф. М. Достоевский.** Государственное издательство Художественной литературы. Москва 1956.

художественными только те произведения Достоевского, в которых есть «социальная тема», именно изображение бесчеловечности капиталистического общества; таковы «Бедные люди», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание». Творчество Достоевского, по его мнению, «было порождено переходной кризисной эпохой распада феодально-крепостнических отношений в России и замены их новыми, капиталистическими отношениями» (стр. 6). Признавая некоторые стороны полезности капитализма в сравнении с феодальным крепостничеством, Ермилов в то же время наполняет книгу нападениями на буржуазное общество и говорит, что яркое изображение недостатков его можно найти у Достоевского. «Закон буржуазного общества: либо ты рабовладелец, либо раб; либо ты давишь других, либо они давят

тебя» (стр. 7); везде господствует «самовластие начальствующих», «разгул хищничества, цинизм откровенно волчьих законов жизни» (стр. 6); «лакейство — порождение и отражение барства», то положение, при котором «человеку некуда пойти» (стр. 14), нищета, ведущая к проституции.

Единственным выходом из такого положения служила, по мнению Ермилова, революция, осуществляющая социализм, но Достоевский осуждал этот путь. В его романе «Бесы» нет умиженных и оскорбленных, есть только общество и противостоящие ему революционеры, изображенные тенденциозно, а потому нехудожественно, как аморальные нигилисты. В этом романе, говорит Ермилов, Достоевский выступает как реакционер. Отрицательные отношение Достоевского к капиталистическому обществу и в то же время борьба его против революционного движения представляет собою, согласно Ермилову, раздвоенность его (стр. 21), и он старается показать, что она нередко ведет к тенденциозности и нехудожественности в его произведениях.

Надо заметить, что, говоря о русском революционном движении, Тургенев склонен был изображать идеалистическую сторону его, а Достоевский видел сатанинскую струю в нем и оказался пророком. В самом деле, большевистская революция создала рабовладельческий государственный капитализм, в котором эксплуатация рабочих и крестьян, унижения и оскорбления человека превосходят все недостатки частновладельческого капитализма. В СССР в руках правительства сосредоточена не только военная и полицейская, но также и вся экономическая сила. Следовательно, правительство СССР обладает абсолютной властью в гораздо большей мере, чем любой самодержавный монарх старого времени. Английский историк лорд Актор сказал: «власть развращает; абсолютная власть абсолютно развращает». И действительно, в СССР произошло абсолютное разращение власти.

«Человеку некуда пойти» в тоталитарном государстве. Достоевский пророчески предвидел возможность такого социализма и называл его муравейником. Его роман «Бесы» есть не реакционное признание, а художественное изображение

зла, надвигающегося на Россию. До конца своей жизни Достоевский был сторонником нравственно обоснованного социализма, в котором сохранена свобода мысли и другие виды гражданской свободы, уничтоженные в СССР.*

Следуя марксизму, с его упрощенным миропониманием, Ермилов истолковывает творчество Достоевского, как обусловленное социальными отношениями, и оценивает его только с точки зрения полезности его для борьбы с капитализмом и для перехода к коммунизму. Такой социологизм в литературоведении крайне популярен: он ведет к тому, что исследование или ошибочно понимает художественное признание или подмечает в нем только его второстепенные особенности, например, выражение дворянских интересов, мелкобуржуазную идеологию и т. п. В действительности Достоевский, как и все великие художники, имеет в виду всечеловеческие страсти и интересы, существующие на земле всегда, при всех условиях. Гордость, властолюбие, честолюбие, тщеславие, обидчивое самолюбие, сластолюбие, ревность, ведущие к драматическим столкновениям и способные довести до преступления, будут существовать при всяком общественном строе, — точно так же и бескорыстная любовь к Богу и людям, любовь к абсолютным ценностям, к истине, красоте, святости, жертвенность, смирение, любовь к семье, к родине, к Церкви, жизнь, посвященная творчеству абсолютных ценностей. Борьба добра со злом в сердце человека совершалась и будет совершаться во всяком общественном строе, изменяясь в сравнительно второстепенных своих чертах и оставаясь тою же по существу. Положение женщины, например, во многих отношениях весьма различно в зависимости от того, состоит ли она рабыней, или крепостною, или работницею на капиталистической фабрике или служащею при коммунистическом строе. Но сластолюбивый рабовладелец, помещик, фабрикант, коммунистический вельможа одинаково могут надругаться над девушкою вроде Настасьи Филипповны и на-

* См. об этом в моей книге «Достоевский и его христианское миропонимание», стр. 114—127.

нести тяжкие раны ее гордости и самолюбия. И разница, например, в выходке такой Настасьи Филипповны против Евгения Павловича сведется лишь к тому, что в капиталистическом строе она крикнула о «векселях», а в коммунистическом — крикнула бы о каких-нибудь «неправильных исчислениях себестоимости производства в Центробуме», управляемом Евгением Павловичем. Из этого однако вовсе не вытекает, будто не следует бороться за социальную справедливость и не следует устранять те специальные виды зла, которые коренятся в данном общественном строе. Нужно только помнить, что идеал абсолютного добра в земных условиях не достижим, и новые формы общественной жизни, которые удастся выработать будущим поколениям, внесут лишь частичные улучшения некоторых сторон существования, но, может быть, вместе с тем породят какие-нибудь новые проявления зла. Попытки большевиков осуществить коммунизм в Советском Союзе и создание ими общественного строя, в котором явились новые виды крайней эксплуатации рабочего и земледельца, крайнего подавления духовной жизни, крайнего подчинения гражданина государству и крайней застенчивости женщины от ее положения, служат ярким подтверждением этой мысли.

Не зная глубинных всечеловеческих интересов Достоевского, Ермилов многого не понимает в его творчестве, например, критикуя «Записки из подполья», он не заметил, что в этом присвидении Достоевский казнил самого себя, открыв в своей душе подполье и найдя средство бороться с ним раньше, чем это сделал Фрейд. Особенно ненавистно Ермилову величайшее из произведений Достоевского «Братья Карамазовы», потому что этот роман может даже и неверующих привлечь к религии. Ссылаясь на исследование Гроссмана, он утверждает, что это присвидение написано «в большей степени по прямому заказу правительственных кругов» (стр. 238) и старается доказать, что оно нехудожественно. Например, Ермилов много говорит о том, что удар пестиком, нанесенный Дмитрием по голове Григория, психологически не обоснован.

О христианстве Ермилов имеет совер-

шенно искаженное представление. Он говорит: «религия утверждает, что виновных в страданиях человечества нет, что всё совершается по благодати Божией» (стр. 259). В действительности христианин думает, что Бог сотворил человека, наделив его свободой воли, без которой невозможна подлинная любовь к абсолютному добру и осуществление его. Но личность, свободная даже и от Бога, может злоупотребить своей свободой, вступить на путь эгоизма и строить наше царство бытия, полное недостатков и страданий, возникающих, как имманентное наказание за нашу порочность, и вместе с тем содействующих исцелению от эгоизма. Итак, Бог не причастен злу; Он только «пускает» зло, не насилая ничьей свободы.

Страстно любя детей, Достоевский считал их вполне невинными и потому вместе с Иваном Карамазовым не мог понять, как возможно такое строение мира, в котором присходит возмутительные истязания беззащитных детей взрослыми. В этом отношении он до конца своей жизни не мог выработать теодииции. Считая детей вполне невинными, он ошибался: душа даже и новорожденного ребенка не свободна от эгоизма. Св. Августин говорит: «Видел я однажды сам младенца, который, глядя на своего молочного брата, сосавшего грудь той же кормилицы, бледнел от зависти и ревности». Выход из затруднений в своем религиозном миропонимании Достоевский находит, по мнению Ермилова, в «непознаваемости вещей в себе на земле» (стр. 268). Употребляя термин Канта «вещь в себе», Ермилов приписывает Достоевскому скептическую теорию знания, которой у Достоевского не было и следа. Правда, как всякий христианин, он признавал, что «неисповедимы пути Господни», но это утверждение относится не к мыслям христианина об основах строения мира и отношения Бога к миру, а только к некоторым отдельным случаям и вопросам, например, в наше время, когда мы недоумеваем, почему Господь так долго «пускает» зло безбожного и бесчеловечного советского режима.

Христианская религия проповедует идеал абсолютного добра, осуществимый в полной мере только в Царстве Божием, где личность, вполне преодолевшая эго-

изм, обладает не материальным, а преобразенным телом и потому может посвятить свою жизнь только творению и усвоению абсолютных ценностей истины, нравственного добра, красоты. Современная физика доказала, что материя есть не вечная субстанция, а лишь процесс во времени, иногда возникающий, как одно из проявлений энергии. Таким образом она дала научные основания для учения о возможности преобразенного тела.

В земной жизни абсолютное добро неосуществимо, однако Церковь помогает верующему христианину бороться со своим эгоизмом и, таким образом, улучшать жизнь. В наше время Церковь начала заботиться не только об усовершенствовании индивидуальных отношений между людьми, но и проповедует реализацию принципов христианства в государственной и общественной жизни. У нас, русских, о таком социальном христианстве красноречиво говорил Вл. Соловьев, а вслед за ним Бердяев и С. Н. Булгаков. Но в СССР Церковь не имеет права выступать с проповедью социаль-

ного христианства: ей позволено только заботиться о спасении индивидуальной души (об этом сказано в брошюре, осуждающей экуменическое движение).

Ермилов много говорит о раздвоенности Достоевского, ссылаясь на то, что он обличал недостатки капитализма, но в то же время боролся против революционного движения. Раздвоенность Достоевский находил сам в себе, но вовсе не в том, о чем говорит Ермилов. Сущность ее он выдел в силе духа, нравственно обязанного при решении всякой проблемы пройти через период критики, но в самой силе своей черпающего уверенность в том, что добро есть и что положительное решение проблемы существует. Советская молодежь, обладающая силой духа и чуткою совестью, проходит теперь именно через такой период критики и, всё более понимая бесчеловечность режима, созданного большевистско-революционою, ищет вместе со всем страдающим народом способов освобождения от диктатуры коммунистического правительства.

Проф. Н. Лосский

О Набокове

Владимир Набоков и... короткие рассказы! Трудно не призадуматься. Набоков, для которого сюжет всегда сбоку, а главное просвечивает насквозь, как справится он с коротким рассказом, в котором до сегодняшнего дня, с лёгкой руки Чехова, сюжет всегда был основой.

Набоков и тут остался себе верен. Внешняя постройка, открытые леса, по лесам бегают рабочие, рабочие колотят дом — всё видно, всё на глазах. Сменяются действующие лица — сначала это герой, потом герой переходит в автора, дальше спать раздвение. И такими вот напыльями — маска, лицо, маска, лицо — течет повествование.

О предках Набоков знать не хочет. В книге о Гоголе на английском языке он издевается над критиками, норовящими его к кому-нибудь пристегнуть. И в ка-

В. Набоков. Весна в Фиальте и другие рассказы. Из-во им. Чехова. Нью-Йорк, 1956 г.

кой-то мере он, конечно, прав. Сказать, что данный автор находится под влиянием того-то — Гоголя, Чехова или Тургенева — значит, собственно, ничего не сказать. С другой стороны, человек из ничего не возникает. Тем паче писатель. Есть предки и у Набокова. Но они, пожалуй, в большей мере из иностранной литературы, чем из русской.

Из русских — Гоголь, может быть, Салтыков-Щедрин и ещё, может быть, всё-таки Ремизов.

Но это вопрос второстепенный. Основной вопрос в том, что Набоков как будто создаёт совершенно новый стиль короткого рассказа, где рассказ отступает на задний план, а на переднем — картина, настроение, смена сцен. Дождь, солнце, луна — всё это аляповато намалевано, и аляповатость это сознательная. Но на фоне ненастоящего неба, в ненастоящем мире, ненастоящие люди по-настоящему страдают. Не в этом ли ответ на всё-та-